

Новиков Александр Владимирович

ПСИХИЧЕСКИЕ БОЛЕЗНИ КАК ОБЪЕКТ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Статья посвящена описанию опыта осмысления феномена психических болезней христианскими мыслителями. Психическая болезнь в богословской мысли представляется не наказанием, а временным испытанием человека, призванного преодолеть препятствия и взойти на высшую ступень религиозного опыта. Также болезнь несет охранительную функцию для людей чувствительных, души которых иначе бы разбились о жестокость окружающего мира, а за пеленой психической болезни "душа зреет и меняется". В работе также анализируются высказывания о сущности некоторых психических болезней, не согласующиеся с позицией официальной медицины.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/11/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(85) С. 127-130. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. Ильенков Э. В. Диалектика идеального // Логос. 2009. № 1. С. 6-62.
6. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
7. Миллер Дж. Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // Инженерная психология: сб. ст. / ред. Д. Ю. Панов, В. П. Зинченко. М.: Наука, 1964. С. 94-118.
8. Найссер У. Познание и реальность. М.: Прогресс, 1981. 232 с.
9. Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Собрание сочинений: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 407-524.
10. Ревонсуо А. Психология сознания. СПб.: Питер, 2012. 336 с.
11. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. 432 с.
12. Сухачев В. Ю. Несвоевременная философия. СПб.: Издательство СПбГУ, 2014. 192 с.
13. Фаликман М. В. Когнитивная парадигма: есть ли в ней место психологии? // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. URL: <http://psystudy.ru/num/2015v8n42/1166-falikman42> (дата обращения: 26.09.2017).
14. Фуко М. Слова и вещи. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
15. Хомский Н. Рецензия на книгу Б. Ф. Скиннера «Вербальное поведение» // Когнитивная психология: история и современность: хрестоматия / под ред. М. Фаликман и В. Спиридонова. М., 2011. С. 33-44.
16. Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. М.: УРСС; ЛИБРОКОМ, 2013. 512 с.
17. Churchland P. Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind-Brain. Cambridge – L.: MIT Press, 1989. 546 p.
18. Cognitive Neuroscience. 4th ed. Cambridge – Massachusetts – L.: A Bradford Book; The MIT Press, 2009. XVIII (Contents and Preface) + 1312 p.
19. Fodor J. The Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology. Cambridge, MA: MIT Press, 1983. 145 p.
20. Harnad S. To Cognize Is to Categorize: Cognition Is Categorization // Handbook of Categorization in Cognitive Science / ed. H. Cohen, C. Lefebvre. Amsterdam – Boston – Heidelberg – L. – N. Y. – Oxford – Paris – San Diego – San Francisco – Singapore – Sydney – Tokyo, 2005. P. 20-45.
21. Heil J. Philosophy of Mind. L.: Routledge, 2000. 244 p.
22. Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication // The Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27. P. 379-423, 623-656.
23. The Blackwell Companion to Consciousness. N. Y.: John Wiley & Sons, 2017. 848 p.
24. Tononi G. Consciousness as Integrated Information: a Provisional Manifesto // Biological Bulletin. 2008. Vol. 215. P. 216-242.
25. Treisman A. M., Gelade G. A Feature-Integration Theory of Attention // Cognitive Psychology. 1980. Vol. 12 (1). P. 97-136.

ATTEMPT OF CONSTRUCTING GRAMMAR OF COGNITIVE SCIENCE

Muss Aleksandr Igorevich

Maraev Vladimir Nikolaevich, Ph. D. in Philosophy

Saint Petersburg University

albertwanderer@gmail.com; v-maraev@yandex.ru

The article makes an attempt to analyze the state of cognitive science, or rather its philosophical, anthropological and psychological component as a phenomenon of modern mass culture. With the help of Roland Barthes' interpretation of the notions "myth" and "mythology" as a semiotic machine, having, among other things, an ideological function, the authors reveal the mythological nature of the discourse of the studied area of modern scientific knowledge.

Key words and phrases: cognitive science; consciousness; mythology; myth; semiotics; semiotic machines.

УДК 2-1

Философские науки

Статья посвящена описанию опыта осмысления феномена психических болезней христианскими мыслителями. Психическая болезнь в богословской мысли представляется не наказанием, а временным испытанием человека, призванного преодолеть препятствия и взойти на высшую ступень религиозного опыта. Также болезнь несет охранительную функцию для людей чувствительных, души которых иначе бы разбились о жестокость окружающего мира, а за пленой психической болезни «душа зреет и меняется». В работе также анализируются высказывания о сущности некоторых психических болезней, не согласующиеся с позицией официальной медицины.

Ключевые слова и фразы: психическая болезнь; христианство; безумие; лжеуродство; христианская антропология; трихотомия.

Новиков Александр Владимирович

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону

reception@donstu.ru

ПСИХИЧЕСКИЕ БОЛЕЗНИ КАК ОБЪЕКТ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Попытки осмысления феномена психических болезней насчитывают не одну тысячу лет. Уже на страницах древних библейских книг мы встречаем не только фиксацию фактов заболевания психики, но и объяснение причин возникновения болезней (диагностика), а порой и описание «терапии». К примеру, приступы

депрессии царя Саула объяснялись его неверностью Богу, а в качестве действенной терапии служили песни его зятя, молодого Давида, сопровождаемые игрой на струнном инструменте – псалтыре. Другой персонаж Ветхого Завета, Вавилонский царь Навуходоносор, был наказан безумием за надменность и гордость и был исцелен спустя некоторое время (через «семь времен»), признав всемогущество Бога.

В новозаветных книгах тема исцеления страдающих психической болезнью людей силой Иисуса Христа занимает значимое место: из 26 исцелений 1/5 часть связана с чудесным прекращением психической болезни. В основном в Евангелиях имеют место описания болезней демонической этиологии (исцеление гадаринских бесноватых, мальчика с эпилептическими припадками, дочери женщины из Ханаана и др.). На вопрос учеников, почему они не могли изгнать беса из страдающего ребенка, Иисус ответил, что «сей род изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17:21), показав, что лекарства, в данном случае не принесут пользы.

Можно говорить о том, что ученики Христа обладали, в силу сверхъестественного дара «различения духов» (1 Кор. 12:10), способностью отличить физическую болезнь от болезни, вызванной падшими духами. Но в основной своей массе люди воспринимали любую психическую патологию как одержимость [9, р. 143-144].

Важное, на наш взгляд, замечание, касающееся христианского понимания одержимости, встречается в экзегетической литературе, в частности в трудах учителя Восточной церкви Иоанна Златоуста, патриарха Константинополя (ок. 347 – 407 г.). В одной из своих бесед, в которой Иоанн разъяснял сюжет об исцелении гадаринских бесноватых, он указывает на то, что демоны (по численности «легион»), войдя в свиней, спровоцировали гибель стада, в то время как, мучая несчастных людей, они, тем не менее, не имели власти погубить их [4, с. 283-284]. Вера в действие могущественной божественной власти, сдерживающей силу inferнальных существ, прослеживается в писаниях Отцов Церкви, которые раскрывают глубокий смысл психической болезни в жизни человека, а также ценность и даже необходимость такого страдания.

Действительно, по мысли Отцов, психическая болезнь (как и другие болезни) не является абсолютным злом. Болезнь несет определенное духовное содержание, которое простирается за горизонт земного бытия человека и рассматривается в контексте христианской антропологии и сотериологии (учения о спасении). Одним из первых, кто заговорил об этом смысле, стал апостол Павел. В Послании к Коринфянам он пишет, что до него дошел «верный слух», что один член общины совершил страшный грех, соединившись с женой своего отца (видимо, мачехой), при попустительстве других христиан. Апостол принимает решение данному ему властью свыше виновника «предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа» (1 Кор. 5:1-5). Здесь Павел показывает необходимость временного страдания (в данном случае не так важно, физическая или психическая болезнь постигла виновного), имеющего очистительную силу, для спасения души согрешившего.

Дальнейшее осмысление феномена психических болезней продолжилось на основе практического опыта христиан, избравших особый путь – монашество.

Возникновение института монашества внесло значительный вклад во многие сферы человеческого бытия. Некоторые монастыри являлись образцом идеального социума, в котором все подчинено высшим духовным устремлениям человека. В этом социуме человек – «образ Бога», имеет великую цель стать и «подобием» своего Творца (т.е. преподобным). Многие монахи в силу своего религиозного опыта были удивительными психологами и, очевидно, владели искусством врачевания поверженных грехом и болезнями человеческих душ. И неудивительно, что монастыри Египта, Палестины и других областей стали первыми лечебными учреждениями, где больные находили приют и где были созданы уникальные условия для их выздоровления.

В агиографической и патристической литературе, источниках, повествующих о различных сторонах монастырского бытия, имеют место описания как исцелений таких больных, так и опыта религиозно-антропологического осмысления психических болезней в рамках христианской концепции личности.

Сущность христианского учения о духе, душе и теле, или, иначе, учения о трихотомии в составе человеческой природы, заключается в признании в природе человека не только двух основных субстанций – души и тела, – но еще и третьего начала – духа. Один из основателей социальной психиатрии проф. Д. Е. Мелехов (1899-1979) в своей работе «Психиатрия и проблемы духовной жизни» пишет: «Весь многовековой религиозный опыт богословского и практического подхода к человеческой личности в христианстве пронизан идеей трихотомического строения личности, раскрытия в нем не только духовного, но и душевного, и телесного (биологического, “природного”) пластов бытия» [7, с. 15].

Жан-Клод Ларше, современный французский богослов и философ, в своей монографии, посвященной теме исцеления психических болезней на христианском Востоке, отмечает, что «христианская мысль выработала комплексную концепцию психических болезней, которая распознает в их происхождении три возможные причины: органическую, демоническую и духовную» [6, с. 20].

Если болезнь была вызвана органической этиологией, Отцы Церкви применяли к таким заболеваниям современную им терапию, в согласии с гиппократо-галеновской традицией врачевания. Они учили, что душа человека за этими видимыми повреждениями не поражена, она остается нетронутой в своей сущности. Суть лечения, таким образом, состоит в возвращении тела (по мысли Григория Нисского, подобного расстроенному музыкальному инструменту) в его нормальное состояние и в восстановлении его природного порядка, чтобы разрешить нетронутой в ее сущности душе снова нормально выразиться [Там же, с. 60].

Ларше отмечает, что в писаниях Отцов Церкви мы не встретим описаний сложных нозологических категорий современной психопатологии. Для них было важным изнутри установить основное происхождение болезней, выявить их сущность, основание и духовный смысл. Часто в житийной литературе нет и указания на причину болезни, поскольку духовный человек «торопится действовать, ему прежде всего важно оказать врачевание» [Там же, с. 73].

Описывая конкретные случаи с участием одержимых, т.е. страдающих от психической болезни демонического происхождения, агиографы, как правило, фиксируют причины этой одержимости, вызванные в основном греховным образом жизни человека, отступившего от Бога и предавшегося страстям.

Учение о греховных страстях и борьбе с ними в христианской аскетической литературе представляется наиболее разработанным и проверенным веками. Сочинения аввы Дорофея, Иоанна Лествичника, Макария Великого, Исаака Сирина, Евагрия Понтийского, отца Добротолубия и многих других авторов составляют золотой фонд христианской психологии.

Процесс порабощения человека начинается с овладения ментальным уровнем человека. Преподобный Иоанн Кассиан пишет: «Нечистые духи не могут иначе проникнуть в тех, телами которых хотя и овладеть, если наперед не овладеют их умом и мыслями. Когда лишат их страха и памяти Божией или духовного размышления, то, как на обезоруженных, лишенных помощи и охранения Божия и потому легко побеждаемых, смело нападают, потом устрояют в них жилище, как в предоставленном им владении» [5, с. 297].

Согласно учению Отцов-аскетов, любая страсть (чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, гордость и др.) представляет определенную форму и степень бесовской одержимости. Пока человек в процессе духовных упражнений (молитва, пост, охранение чувств, самоотвержение, смирение, богопознание) и помощи свыше не приобрел устойчивости в сопротивлении страстям, опасность впасть в безумие остается.

Что касается духовной этиологии психических заболеваний, она также связана с греховными страстями и представляет собой обострение той или иной страсти. Ларше отмечает важность этой этиологии, т.к. она затрагивает большинство неврозов современной классической нозологии, так же, как и некоторые формы психозов [6, с. 25].

Парадоксально, но, по мысли Отцов Восточной церкви, безумие дает возможность некоторым людям преодолеть тот беспорядочный образ жизни, который они вели до болезни. Подобно тому, как иммунитет вступает в борьбу с вирусами, проникшими в организм человека, и за счет этого приобретает большую сопротивляемость, так и психически больной, призывая Бога в своих молитвах, обретает свободу от болезни и приходит к качественно новому бытию, в котором дух становится определяющим началом. Спустя столетия, на рубеже XIX–XX веков, святой Иоанн Кронштадтский выскажет мысль о защитной функции психической болезни: «...есть души настолько хрупкие, что они разбились бы о грубость и жестокость окружающего мира. И Господь допускает, что между ними и миром опускается пелена психической болезни, чтобы отделить эти души от того, что могло бы разорить их цельность. И за этой пеленой душа зреет и меняется, и человек растет» [1].

Было бы неправильно утверждать, что любая психическая болезнь с точки зрения христианских мыслителей являлась благом для человека и способствовала умножению его духовного опыта. Были люди, которые большей частью вели себя непристойно, чем нередко эпатировали публику. Речь идет о такой патологии духовной жизни, как лжеюродство. Лжеюродивыми были нездоровые психически люди, причем болезнь, по утверждению исследователей этого феномена, была вызвана, как правило, демонической этиологией. Данная психопатология получила широкое распространение на Руси, и первое свидетельство об этой болезни принадлежит середине XVI века: «Живые пророки, мужики и женки, и девки, и старые бабы бегают из села в село, нагие и босые, с распущенными волосами, трясутся, и бьются, и кричат: святая Анастасия и святая Пятница велят им» [8, с. 320]. Исследователи выделяют общие черты, присущие лжеюродивым: обязательное наличие всех внешних атрибутов «блаженного»: сбившиеся в колтун волосы, огромное количество крестов на шее, иногда и вериги; поведение также строится на потребности произвести на публику впечатление. Они говорят загадочные малопонятные фразы, которым придают многозначительность пророчества. Все их действия направлены на то, чтобы произвести эффект святого, ни о каком внутреннем, скрытом подвиге здесь и речи идти не может. Святые юродивые юродствуют, чтобы скрыть свой подвиг; лжеюродивые юродствуют, чтобы казаться святыми [Там же, с. 321].

Лжеюродство как душевная психопатология в нозографии русских христианских мыслителей была связана с другим повреждением души – т.н. «прелестью», или «бесовским прельщением». Святитель Игнатий (Брянчанинов), известный церковный писатель XIX века, «отец современного монашества», как его справедливо именуют за то, что он адаптировал монашеский опыт Востока для современных христиан, посвятил описанию данной болезни десятки страниц. В его статье «О прелести» в форме диалога старца с учеником раскрывается учение об этой духовной болезни. Епископ Игнатий пишет: «Прелесть есть повреждение естества человеческого ложью». Такое состояние – «плотское мудрование и лжеименный разум, которыми заражен весь мир, не признающий своей болезни, провозглашающей её цветущим здравием». Прелесть, т.е. высокое мнение о себе, «смирненное» чувство способности к получению откровений, проявляет себя в самых разнообразных формах. Чаще всего – это дерзкие попытки к пророчествам, к беспрекословному духовному управлению людьми (лжестарчество), к совершению чудес и знамений и т.д. [3].

Христианское осмысление психических болезней продолжилось и в Новейшее время. Если в писаниях древних Отцов мы видим антропологический аспект и практическую направленность, то в описании психических болезней христианскими мыслителями XX–XXI веков присутствует попытка религиозно-философской рефлексии. Богословских исследований, посвященных этой теме, единицы, но ценный материал дает изучение публикаций дневников и эпистолярного наследия представителей Православной церкви.

Одной из главных идей, связанных с поиском сущности и причин психических болезней, является идея о греховной детерминированности человека. Именно грех является, по мысли авторов, основной (но, разумеется, далеко не единственной) причиной психического заболевания.

Обратимся для примера к «Записям» священника Александра Ельчанинова (†1934). Это был замечательный историк и педагог, друг о. Павла Флоренского и о. Сергия Булгакова. Будучи студентом Духовной академии,

стал первым секретарем открывшегося Московского религиозно-философского общества. На страницах своих «Записей» он много размышляет о сущности как психических болезней, так и пограничных состояний – неврозов. По мысли о. Александра, причинами некоторых психических заболеваний являются гордыня, замкнутость в себе, скопление эмоций в человеке. Приведем примеры некоторых «диагнозов» автора «Записей»: «*Mania grandiosa*» неизбежно вырастает из замкнутости в себе. Гаснут кругом все масштабы, и “я”, распускаясь и увеличиваясь, вырастает до пределов сумасшествия» [2, с. 44]. «Характерно, что главные две формы сумасшествия – мания величия и мания преследования возможны только при самолюбии и являются формами греха – гордости» [Там же, с. 58].

О. Александр убежден, что «смиренному и простому не придет в голову ни мания величия, ни страдания от своего ничтожества» [Там же, с. 61-62]. Также и неврастеником не может стать добрый и смиренный человек [Там же, с. 95].

Как бы полемизируя с официальной медициной, о. Александр вопрошает: «Если это только нервность (т.е. “чистая” соматика. – А. Н.), то почему она переходит в наступление, почему она вмешивается в чужие действия, почему она командует, самодурничает, издевается, требует, настаивает? Как это объяснить – “впечатлительностью нервов, обостренной чувствительностью”? – Когда это просто нормальный деспотизм, вытекающий из крайнего самомнения, презрения к другим, отсутствия контроля над собой, распушенности» [Там же, с. 161].

Наиболее негативно сказывается на жизни человека истерия, которая «есть разложение личности, и оно освобождает огромные, пагубные своей разрушительной силой количества энергии, как в распадающемся атоме» [Там же, с. 124].

В набросках своих мыслей Ельчанинов указывает на религиозную жизнь и церковные таинства как на профилактические и психотерапевтические средства, сохраняющие человека от душевной патологии. Свои мысли он подкрепляет авторитетными высказываниями врачей, психологов и философов, таких как Фрейд, Дюбуа, Яроцкий, Дежерин и Гоклэр, Штокль. Говоря о терапевтическом действии исповеди, Ельчанинов приводит факт исцеления одной пациентки от припадков после часовой исповеди, которой не помогло пребывание в водолечебнице в течение трех месяцев. «Молитва, Бог, любовь, объективное» – вот то, что поможет человеку преодолеть эгоизм, боязнь, не впасть в солипсизм и сохранить себя как свободную от болезни и греха личность.

Наше время характеризуется высокой степенью подверженности человечества психическим заболеваниям и неврозам. Большая часть страдает от т.н. «болезней цивилизации», миллионы людей не выдерживают стремительного темпа жизни и вынуждены принимать антидепрессанты. В развитых странах с высоким уровнем жизни зафиксирован большой процент суицидов. Все чаще в современной медицинской литературе звучит диагноз «ноогенная депрессия» – показатель утраты или отсутствия смысла жизни. Научное сообщество ищет пути преодоления этого кризиса. Уже с середины прошлого века в науках о человеке «идет процесс проникновения понятия личности даже в биологически-ориентированные теории» [7, с. 12], а религиозный ресурс многими выдающимися деятелями медицины признается действенным реабилитационным фактором. Раздвигая границы представлений о психических болезнях как об исключительно органических патологиях, христианские мыслители раскрывали духовный смысл этого явления. Дальнейшее изучение христианской нозологии психических болезней с привлечением медицинских знаний, возможно, даст ключ к пониманию целостного здоровья человека как био-психо-социо-духовного существа.

Список источников

1. **Антоний Сурожский, митрополит.** Психическая болезнь: наказание или крест? [Электронный ресурс]. URL: http://bookap.info/okolopsy/avtorov_o_dushevnyh_boleznyah/gl13.shtm (дата обращения: 05.09.2017).
2. **Ельчанинов Александр, свящ.** Записи. М.: Отчий дом, 2004. 256 с.
3. **Игнатий (Брянчанинов), святитель.** О прелести [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Vbryanchaninov/o-prelesti/ (дата обращения: 05.09.2017).
4. **Иоанн Златоуст, святитель.** Творения: в 12-ти т. СПб.: Изд. СПбДА, 1895-1906. Т. 2. Кн. 1.
5. **Иоанн Кассиан Римлянин, преподобный.** Писания / пер. с лат. еп. Петра. М., 1892.
6. **Ларше Ж.-К.** Исцеление психических болезней: опыт христианского Востока первых веков / пер. с фр. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. 224 с.
7. **Мелехов Д. Е.** Психиатрия и проблемы духовной жизни. Изд-е 3-е, испр. М., 2003. 168 с.
8. **Юродство** / сост. М. Ю. Бакулин. Тюмень: Русская неделя, 2014. 448 с.
9. **Dols M.** *Insanity in Byzantine and Islamic Medicine // Symposium on Byzantine Medicine / ed. J. Scarborough. Cambridge – Washington, 1984. P. 135-148.*

MENTAL ILLNESSES AS OBJECT OF RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING

Novikov Aleksandr Vladimirovich

*Don State Technical University, Rostov-on-Don
reception@donstu.ru*

The article is devoted to the description of the attempt of understanding the phenomenon of mental illnesses by Christian thinkers. Mental illness in theological thought is not a punishment, but a temporary test of a person called to overcome obstacles and to ascend to the highest level of religious experience. Also, the illness carries a protective function for sensitive people, whose souls would otherwise have been shattered about the cruelty of the surrounding world, and behind the veil of mental illness “the soul matures and changes”. The work also analyzes statements about the essence of some mental illnesses that are not consistent with the position of official medicine.

Key words and phrases: mental illness; Christianity; madness; false foolishness for Christ; Christian anthropology; trichotomy.